

ЕКАТЕРИНОСЛАВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

ИЗДАНИЕ БРАТСТВА СВ. ВЛАДИМИРА ПРИ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ.

21-го Мая № 15 1902 года.

— ⊖ ОТДѢЛЪ НЕОФИЦІАЛЬНЫЙ. ⊖ —

Религіозно-нравственное воспитаніе, какъ необходимое условіе въ дѣлѣ образованія истинныхъ людей ¹⁾.

(Окончаніе *)

Итакъ, недостатокъ религіозно-нравственнаго элемента въ семейномъ и школьномъ воспитаніи, вотъ главнѣйшая причина пониженія нравственнаго уровня современнаго общества и оскуднѣнія въ немъ истинныхъ людей. Мы особенно подчеркиваемъ этотъ выводъ свой, такъ какъ, къ сожалѣнію, и теперь еще крѣпко держится въ общественномъ сознаніи убѣжденіе, будто и при посредствѣ одного научнаго знанія и умственнаго образованія можно воспитать человѣка, т. е. сдѣлать его не только умнымъ, но и нравственнымъ существомъ.

Безспорно, что развитіе ума и вообще научное образованіе содѣйствуетъ нравственному развитію человѣка и именно въ томъ смыслѣ, что способствуетъ уясненію основныхъ задачъ, идеала и мотивовъ этики; но одно оно не въ состояніи сдѣлать людей нравственными существами. Дѣло въ томъ, что нравственное совершенство не составляетъ цѣли научнаго познанія; къ этой цѣли ведетъ собственно религіозное воспитаніе. Наука же въ сущности безразлично относится къ добру и злу: она одинаково даетъ средства, какъ къ совершенію добра, такъ и къ совершенію зла. «Значеніе научныхъ зна-

¹⁾ Научно-богословское чтеніе, предложенное 25 Марта въ актовомъ залѣ Екатеринославскаго Мужскаго Духовнаго Училища.

*) См. № 14.

Въ чемъ сущность и смыслъ жизни ¹⁾.

Окончаніе *).

Смыслъ жизни лежитъ въ томъ, что объединяетъ единствомъ цѣли, идеи, всѣ частныя стороны жизни: и страданія и радости, и борьбу, и труды, и наши стремленія вверхъ съ ниспаденіемъ внизъ. Отыскать смыслъ жизни—значить, поэтому, найти такую точку зрѣнія, съ которой было-бы понятно для насъ, какъ управляемое одной цѣлью, все многообразное содержаніе жизни.

Такая точка зрѣнія находится въ Библии (въ Ветхомъ и Новомъ Заветѣ). Жизнь есть кратковременный путь къ вѣчной цѣли существованія (къ общенію съ Богомъ). Жизнь есть приготовленіе къ вѣчности. Жизнь есть школа, въ которой мы, подъ руководствомъ высшей силы, осязаемой чистымъ сердцемъ ясно, научаемся любить истину, добродѣтель, справедливость, миръ и любовь, чтобы умѣть наслаждаться ими въ вѣчности. Жизнь со всѣмъ ея многообразіемъ получаетъ ясный смыслъ во взглядѣ на нее, какъ на школу къ вѣчности. Вся великая сложность ея сторонъ, все, что поражаетъ человѣческій умъ, и чему онъ тщетно хочетъ найти разгадку въ самой жизни, получаетъ, при этомъ взглядѣ, значеніе воспитательныхъ средствъ примѣнительно къ различнымъ людямъ. Въ жизни—совершеннѣйшій Учитель, воплощеніе высочайшихъ умственныхъ и нравственныхъ качествъ, Богъ. Совершенство Учителя сказывается именно въ разнообразіи, въ индивидуальности средствъ обученія. Однихъ Онъ награждаетъ, даетъ имъ радости, чтобы ободрить къ новымъ успѣхамъ, другихъ справедливо, но безъ гнѣва, со снисходительной кротостью, наказываетъ, чтобы призвать къ долгу. Третьимъ, которые стремятся къ небу и падаютъ, показываетъ, какъ слабы ихъ личныя человѣческія усилія. Словомъ, въ этомъ взглядѣ на жизнь получаютъ смыслъ всѣ ея стороны: этотъ взглядъ

¹⁾ Рѣчь, произнесенная на послѣднемъ урокѣ въ женскихъ гимназіяхъ.

*) См. № 14 1902 г.

объединяетъ всѣ проявленія жизни одной цѣлью—именно подготовкой къ вѣчности. По этому взгляду

«Все въ жизни къ великому средство:

И горе, и радость—все къ цѣли одной».

(Жуковский).

Настоящее время чуждается этого взгляда и потому оно необходимо тоскливо. Съ умноженіемъ знаній въ различныхъ областяхъ,—какъ бы въ контрастъ, уменьшается ясность и опредѣленность взглядовъ на жизнь, увеличивается спутанность общихъ представлений о жизни. Въ настоящее время хотятъ найти смыслъ жизни въ ней самой, хотятъ жить на землѣ совершенно безъ неба, и дѣйствительно, живутъ безъ небеснаго свѣта, прозябаютъ, а не живутъ, влечатъ жизнь, не понимая: зачѣмъ, къ чему? Смысла жизни нельзя найти, если искать его только въ ней самой. Отсюда—равнодушіе къ жизни, дряблость, жизненная вялость современныхъ людей. «Въ 30 лѣтъ», говоритъ одинъ изъ нихъ, «уже похмѣлье, я уже надѣлъ халатъ. Съ тяжелой головой, съ лѣнивой душой, утомленный, надорванный, надломленный, безъ вѣры, безъ любви, безъ цѣли, какъ тѣнь, слоняюсь я среди людей и не знаю, кто я, зачѣмъ живу, чего хочу». (Драма Чехова «Ивановъ»).

Когда для земли не открыто небо, на землѣ туманно, сѣро, скучно, какъ въ осенній сумрачный день. И дѣйствительно, прочитывая современные драмы, поражаешься новымъ трагическимъ элементомъ въ жизни, болѣе потрясающимъ, чѣмъ кинжалы и яды стараго времени. Этотъ трагическій элементъ—«скука». Въ минуты радости, веселья, какъ и въ минуты утомленія жизнью, отчаянія, вѣчно раздается одинъ и тотъ-же мотивъ: «Какая скука!» «Весь воздухъ застылъ отъ тоски», говоритъ одна изъ героинь драмы Чехова. «Сама по себѣ жизнь скучна, глупа, грязна», говоритъ одинъ изъ его героевъ (Астровъ): «Среди отчаянной скуки вмѣсто людей бродятъ какія-то сѣрыя пятна, слышатся однѣ пошлости».

Эта атмосфера сѣраго, безъ кусочка неба, будничнаго въ полномъ смыслѣ, дня давить человѣка среди какого угодно положенія, порождаетъ въ немъ глубокое недовольство всѣмъ и всѣми, какъ будто все вокругъ мерзко, тогда какъ на самомъ дѣлѣ мерзокъ прежде всего онъ самъ. Человѣкъ недоволенъ ничѣмъ, что бы ни дарила ему жизнь, онъ недоволенъ извнутри и потому слѣпъ къ своему счастью, предмету своихъ собственныхъ мечтаній и стремленій. Таковъ герой интересной драмы Зудермана: «Die drei Reiherfedern» ¹⁾ (Три цаплины пера)—принцъ Витте. Принцъ Витте—искатель счастья. Съ великимъ трудомъ, рядомъ долгихъ лишеній, досталъ онъ три волшебныхъ цаплиныхъ пера. Если онъ сожжетъ первое изъ нихъ, онъ увидитъ въ туманѣ тѣнь женщины, которая дастъ ему счастье. Второе перо соединитъ его съ ней. Если онъ его сожжетъ такъ, чтобы никто не видалъ, то онъ увидитъ эту женщину въ дѣйствительности, ночью. Если онъ сожжетъ третье перо, то потеряетъ свое счастье: та женщина умретъ. Принцу захотѣлось посмотреть свое счастье хоть въ туманѣ: онъ сжегъ первое перо, и вотъ явился ему величественный образъ женщины, какъ бы выходящей изъ-за моря. Съ двумя перьями на груди, принцъ странствуетъ со своимъ слугою ища счастье. Вотъ онъ приходитъ въ царство Саммланское, покоряетъ сердце молодой королевы, женится и становится королемъ. Всѣ его любятъ, но онъ ничѣмъ не доволенъ: ему кажется, что повседневная жизнь, какую онъ ведетъ, не можетъ быть рамкой его счастья. Онъ жалуется на свою тоску своему слугѣ. Тотъ говоритъ, что вѣдь у него есть талисманъ: пусть сожжетъ второе перо и увидитъ свое счастье въ дѣйствительности. И вотъ однажды ночью принцъ сжигаетъ второе перо такъ, что никто не видитъ, но ничего ему не появляется. Принцъ смущенъ и смотритъ къ дверямъ.—А

¹⁾ Драмы этой (въ стихахъ), насколько намъ извѣстно, нѣтъ еще въ русскомъ переводѣ. Мы приводимъ содержаніе, насколько могла удержать его наша память.

вотъ отчего онъ ничего не увидалъ,—тамъ стояла и подсматривала его жена? Принцъ негодуеъ на шпіонство жены и рассказываетъ ей, что она надѣлала ему. Та говоритъ, что разъ она ему явилась, то, значить, она и есть его счастье, говоритъ, что она любитъ его и т. д. Принцъ на недолго успокаивается, но потомъ опять становится недоволенъ, хмуръ и скученъ. Ему все кажется, что онъ просыпаетъ свое счастье. Ему говорятъ, что это не такъ, что его теперешняя жизнь представляетъ всѣ условія счастья, что его тревожатъ пустыя мечты. Онъ думаетъ, что, можетъ быть, и дѣйствительно такъ, и рѣшается, чтобы отрѣзать себѣ всякій путь отъ настоящаго къ воображаемому, манящему, счастью, сжечь третье перо. И вотъ онъ сжигаетъ: въ это время умираетъ его жена. Такъ, счастье, къ которому онъ все время рвался и по которому тосковалъ душой, было близъ его, было въ его рукахъ.

Намъ кажется несомнѣннымъ, что сѣрватость современной жизни, это шатаніе современныхъ интеллигентовъ безъ тѣли и сознанія смысла жизни имѣетъ причины именно въ современномъ ослабленіи связи земли съ небомъ. Небо не оживляетъ, перестало оживлять нашу земную жизнь: Среди скуки жизни, лучомъ солнца, согрѣвающимъ и оживляющимъ сѣрый, холодный фонъ, является глубокая вѣра, что мы живемъ здѣсь для будущей жизни, вѣра, которая брызжетъ лучезарнымъ фонтаномъ въ словахъ Сони уставшему жить и работать дядѣ Ванѣ. «Мы, дядя Ваня», говоритъ Соня, «будемъ жить, проживемъ длинный рядъ дней, долгихъ вечеровъ, будемъ терпѣливо сносить испытанія, будемъ трудиться для другихъ... А когда наступитъ нашъ часъ, мы покорно умремъ и тамъ, за гробомъ, скажемъ, что мы страдали, что мы плакали, что намъ было горько... И Богъ сжалятся надъ нами, и мы съ тобой, дядя, увидимъ жизнь свѣтлую, прекрасную, вѣщающую, мы обрадуемся и на теперешнія наши невзгоды оглянемся съ умиленіемъ, съ улыбкой и отдохнемъ. Я вѣрую,

дядя, я вѣрую горячо, страстно... Мы отдохнемъ». («Дядя Ваня»—Чехова).

Итакъ, жить здѣсь—значить запастись всѣмъ лучшимъ, что составитъ основной фондъ нашей жизни тамъ, жизни вѣчной. Настоящая жизнь—есть приготовленіе къ будущей, мы работаемъ на землѣ, чтобы послѣ отдыхать на небѣ. Усвоимъ это воззрѣніе умомъ и сердцемъ, сдѣлаемъ его руководительнымъ началомъ своей жизни, и мы будемъ имѣть свѣтъ и опору здѣсь, на землѣ, въ сумеркахъ жизни, насъ не смутятъ тогда никакія противорѣчія жизни, и мы будемъ тверды и непоколебимы не только предъ испытаніями и тяжестями жизни, но и предъ самымъ страхомъ смерти.

Будемъ смотрѣть на жизнь, какъ на школу къ вѣчности. Не будемъ полагать въ ней послѣдней цѣли нашего существованія, и тогда само собою наши удовольствія будутъ болѣе чисты и умѣренны, не тѣ, которыя оставляютъ по себѣ чувства оскомины и скуки, и само-собой—наши невзгоды не будутъ угнетать и принижать нашу энергію. Не будемъ искать здѣсь на землѣ своего высшаго идеала, не будемъ ожидать здѣсь полного осуществленія своихъ желаній и стремленій, чтобы наши труды на процвѣтаніе правды не прекращались, и чтобы мы не смущались, когда не увидимъ особой пользы отъ нашихъ усилій во имя добра—здѣсь. Не будемъ полагать здѣсь всѣхъ своихъ надеждъ. Иначе сама жизнь разобьетъ ихъ, отравитъ, и мы потеряемъ вкусъ и наслажденіе даже въ тѣхъ дарахъ жизни, какіе она намъ дастъ. Но и не будемъ относиться къ жизни съ легкомысленной неблагодарностью или мрачнымъ отрицаніемъ. Не унизимъ цѣны жизни. Жизнь—великое сокровище, великій даръ Божій. «Жизнь, какъ бы она печальна ни казалась, всегда дороже куска свинцу или глотка синильной кислоты» (Петровъ Г. свящ.). Никогда не позволимъ себѣ легкомысленно и дерзко называть ее ни обманомъ, ни бессмыслицей, ни проклятьемъ. Она бываетъ такою только для тѣхъ, которые сами дѣлаютъ ее для себя

обманомъ, безмыслицей... «Знай и помни», училъ древній мудрецъ Эпиктетъ, «что если люди бываютъ несчастны, то въ этомъ они виноваты сами, потому что Богъ создалъ всѣхъ людей для счастья» ¹⁾. Не будемъ унывать и отъ самыхъ неудачъ, лишеній и испытаній жизни. Умѣющему пользоваться жизнью, какъ школой къ вѣчности, самыя испытанія и неудачи обращаются во благо. Какъ путникъ во время странствованія, сумѣемъ мириться со всѣми неудобствами и неприятностями пути, и будемъ радоваться и благодарить за все пріятное, что встрѣтится намъ,—въ надеждѣ полного утѣшенія и успокоенія на постоянномъ пристанищѣ, по окончаніи странствованія. Ради того, что жизнь школа къ вѣчности, будемъ имѣть здѣсь въ виду существенное, а не мелочное. Въ школѣ ученикъ цѣнится постольку, поскольку онъ умѣетъ выбирать изъ урока существенное и вокругъ него все группировать. Такъ и въ жизни. Какъ въ школѣ, будемъ дорожить въ жизни временемъ, которое дано намъ для выполненія нашей жизненной задачи. Долго-ли, коротко-ли продлится наша жизнь, будемъ стараться больше дѣлать добра для другихъ. Будемъ воспитывать здѣсь себя къ истинѣ, добру, и любви, чтобы за предѣлами этой жизни оказаться способными вступить въ близкое общеніе съ Высочайшимъ носителемъ истины, добра и любви.

Не будемъ унывать, если случится временно и ослабѣть, поколебаться въ жизненномъ подвигѣ. Въ школѣ мы также иногда ослабѣваемъ отъ трудныхъ уроковъ, отъ непріязненныхъ отношеній къ намъ нѣкоторыхъ изъ соучениковъ,—но не унываемъ: не все будутъ трудные уроки, выпадутъ и легкіе дни, когда мы оправимся, дни, когда мы примиряемся со всѣми.

Всего больше будемъ бояться тупого равнодушія къ своему жизненному подвигу. Будемъ бояться и самообольщенія, что я одинъ все могу, что я не нуждаюсь ни въ чьей

¹⁾ Петровъ Г. «Евангеліе, какъ основа жизни».

помощи. И въ школѣ проигрываетъ тотъ ученикъ, который думаетъ, что онъ все знаетъ, что объясненія учителя ему не нужны,—онъ и самъ такъ уменъ,—что помощь товарищей для него—ничто. Такъ и въ жизни. Будемъ постоянно въ чувствѣ вѣры, простой вѣры, совѣтоваться съ Богомъ о нашихъ нуждахъ, о нашихъ затрудненіяхъ, будемъ обращаться къ Нему за подкрѣпленіемъ и наставленіемъ, какъ одному Благому Учителю.

Какое бы маленькое дѣло не выпало намъ на долю, будемъ добросовѣстны и въ немъ, какъ и въ большемъ, чтобы тамъ, въ вѣчности, намъ сказали: вы были вѣрны въ маломъ, потому достойны вы быть поставленными надъ многими. Будемъ помнить, что мелочи имѣютъ болѣе важное значеніе въ образованіи характера, чѣмъ дѣла крупныя, потому что жизнь болѣе соткана изъ мелочей, чѣмъ изъ подвиговъ. Пусть вліяніе мелочей не замѣтно, значеніе ихъ не очевидно: но не совсѣмъ очевидно и значеніе для нашей жизни воздуха, хотя оно много важнѣе другихъ условій жизни. Мелочами создаются привычки, основа нашей сознательной дѣятельности, ея подпочва. Каковы будутъ привычки, таково и сознательное дѣло. Будемъ честны въ ничтожныхъ привычкахъ, чтобы быть честными въ важныхъ дѣлахъ. Будемъ честны вездѣ, чтобы оказаться достойными великой вѣчности.

П. А. Соколовъ.

СЕКТАНТСТВО и РАСКОЛЪ.

Бесѣда съ пріемлющими Австрійское священство старобрядцами въ залѣ Екатеринославской духовной семинаріи.

(Продолженіе *).

Какъ только воспитанникъ окончилъ свою рѣчь, сейчасъ же выступилъ впередъ Исидоръ Тимоѣевичъ и, вынувъ изъ кармана нѣсколько печатныхъ страницъ изъ какой-то книги,

*) См. № 14 Ек. Е. Вѣд.